

«ВРАГ РОССИИ» С. Ю. ВИТТЕ:
АНТИСЕМИТИЗМ И ФОБИИ В РИТОРИКЕ
ДИСКРЕДИТАЦИИ РЕФОРМАТОРА

Элла Сагинадзе
(Санкт-Петербург)

Исследователи выделяют несколько типов в образе еврея в российском националистическом дискурсе рубежа XIX–XX вв. Один тип — корыстолюбивый делец-капиталист, биржевой спекулянт, притесняющий местное русское население. Другой тип — безжалостный революционер, стремящийся к уничтожению российской государственности. Немаловажным для идеологии российского антисемитизма был тезис о том, что евреи навсегда остаются чужеродным элементом в общеимперском теле [Гольдин].

Цель статьи — показать, каким образом антисемитизм как риторический прием использовался для дискредитации С. Ю. Витте, министра финансов (1892–1903) и премьер-министра (1905–1906) Российской империи конца XIX – начала XX вв. Необходимо проанализировать динамику исследуемого процесса. Так, в зависимости от политической конъюнктуры, одни компоненты дискурса становились менее значимыми, а другие, наоборот, приобретали острую злободневность. Важно также рассмотреть пересечения антисемитизма с другими распространенными фобиями эпохи.

С. Ю. Витте нельзя было назвать юдофилом (его отношение к еврейскому вопросу было очень противоречивым), но риторика антисемитизма нередко использовалась в инвективах против министра. Представление о Витте как о человеке, сочувственно относящемся к евреям, стало складываться с самого начала государственной карьеры министра. Формированию такой репутации способствовали различные факторы.

Значимыми были обстоятельства жизни Витте. Молодость его прошла в Одессе, затем он служил в Киеве, в управлении Юго-Западных железных дорог. Все это время в его окружении были и евреи. В юности Витте был репетитором одного из сыновей из-

вестных в Одессе еврейских банкиров Рафаловичей. Впоследствии многие члены этой семьи при содействии министра устроились в разных банках и акционерных предприятиях. Это не осталось незамеченным. Уже в декабре 1892 г., консервативный публицист, в будущем яростный критик финансовой политики Витте И. Ф. Цион убеждал К. П. Победоносцева: «Витте купно с племенем Рафаловичей <...> фатально ведет нас к финансовой катастрофе...» [Цион: 1 об.].

Витте вспоминал, что сам Александр III интересовался у него: «Правда ли, что Вы стоите за евреев?» [Из архива 2003: 76]. Исследователь А. Б. Миндлин установил, что эта беседа произошла в 1894 г. [Миндлин: 77]. Таким образом, уже к этому времени слухи о юдофильстве Витте имели широкое хождение при дворе и дошли до царя.

Также бытовало мнение, будто сам Витте — еврей. Так, во время революции 1905–1907 гг. в популярном черносотенном листке «Виттова пляска» «еврейство» министра обыгрывалось в сатирической форме [Утро]. Тот факт, что данный слух стал предметом осмеяния, свидетельствует о его широком распространении в обществе. В более позднем, вышедшем уже в советское время, исследовании генеалогии рода Витте отмечался факт существования множества легенд о еврейском происхождении министра [Любимов: 210].

Другим поводом для обвинений Витте в юдофильстве была его государственная деятельность. Одной из важнейших реформ министра было введение золотого стандарта рубля в 1897 г. Технически это должно было осуществиться путем установления фиксированного курса рубля, что в итоге приводило к девальвации. Подобная экономическая мера была крайне непопулярна. Скоро в обществе стали открыто говорить о том, что реформа будет осуществляться при участии евреев. Сведения о них встречаются даже в труде известного экономиста П. П. Мигулина. Он отмечал, что на фоне общего недовольства этими преобразованиями, ходили слухи, будто девальвация произошла «только благодаря козням заграничных еврейских банкиров <...> но настает, наконец, момент, когда правда восторжествует, и наш кредитный рубль будет снова стоить 4 франка» [Мигулин: 166].

Критика проводимого финансового курса переходила и на фигуру министра-реформатора. Яростным оппонентом Витте был

столичный публицист С. Ф. Шарапов. Он выражал интересы дворян — крупных землевладельцев, недовольных ускоренной модернизацией экономики (сам публицист был председателем акционерной компании по производству плугов) [Самонов: 77–78]. В публицистической полемике по экономическим вопросам Шарапов нередко прибегал к риторике антисемитизма. Публицист утверждал: «Золото, являясь основой денежного обращения, утвердив себя в странах конституционно-парламентского строя, «связало все народы и государства мира одною огромною цепью и словно рабов, повергло их к стопам всемогущего Израиля» [Шарапов: 14]. Критикуя политику Витте, Шарапов использовал такой элемент антисемитского дискурса, как магия и чернокнижие: в одной из своих работ он заявлял, что «искусство министра финансов является чем-то таинственным, наподобие колдовства или чернокнижия» [Там же: 32].

В завуалированной форме разговоры о зависимости министра финансов от еврейских банкиров отразились также на страницах «Нового времени» — самой влиятельной столичной газеты 1890-х гг. Ее ежедневно читали не только представители высшей бюрократии, но и император [Боханов: 46]. С началом реформы А. С. Суворин сразу заявил о себе как об убежденном противнике девальвации и иностранного капитала. В одной из статей издатель уязвил Витте, заявив, что скороспелые девальвации подготовлены «финансовыми Овидиями», зависящих от «людей денежных, поросших насквозь еврейскими традициями» [Суворин 1895].

Данное высказывание — яркий пример социального антисемитизма, где акцентируется фактор экономического притеснения. Причем часть российского общества готова была объявить министра ключевой фигурой еврейского заговора.

Еще одним козырем против Витте послужило еврейское происхождение его второй жены. Это обстоятельство, усугубленное также ее статусом ранее разведенной женщины, осложнило положение семейства Витте, и вскоре супруга министра стала при Дворе *persona non grata*. По свидетельству министра А. Н. Куропаткина, в 1904 г. министр юстиции Н. Муравьев убеждал его, что Витте, подговариваемый супругой, «еврейкой чистой крови», заключил тесный союз с евреями и опутывает Россию. Муравьев намекал Куропаткину, что виновником происходящих в России волнений он готов счесть Витте: «Он готовится, если бы была

перемена царствования, захватить власть в свои руки» [Куропаткин: 12]. Согласно сведениям, приводимым в дневнике генерала Н. П. Линевича, мнение о причастности Витте к еврейскому заговору «переходило из уст в уста, все гостиные этими слухами были наполнены...» [Линевич: 104].

Враги Витте внушали мысль о его изменнических планах императору, а еврейское происхождение жены министра крайне упрощало их задачу. Влиятельный генерал Е. В. Богданович в письме от 28 июля 1905 г. убеждал царя, что Витте, уязвленный холодностью императорской семьи к своей жене, готовит страшную месть: за унижение он «отплатит гибельным концом всей династии Романовых...» [Богданович: 2 об.–3]. Далее Богданович обвинял Витте в измене: «Он подкапывается под самодержавный трон, сам пользуясь охраною правительственной власти, <...> играет роль Катилины. И ему мы, как древний Цицерон, готовы воскликнуть: “Иди, Сергей, к твоим тайным друзьям, чтобы всем стало, наконец, ясно, что ты наш явный враг”» [Там же].

Легенда о причастности Витте к враждебному России еврейскому заговору тесно сливалась с масонством. Так, в одном из многочисленных доносов на Витте, датированном 1906 г., утверждалось: «Петербург усиленно говорит о том, что в портфеле, найденном возле изуродованного трупа В. К. Плеве, будто бы лежал Всеподданнейший доклад Государю, в каком Плеве обвинял Витте в революционной деятельности и в том, что он принадлежал к секте франк-масонов» [Любарская-Письменная: 4]. Существуют мемуарные свидетельства о том, что эти слухи волновали публику довольно долго [Кольшко: 156].

Заговор, ключевой фигурой которого виделся министр, имел еще одну важную составляющую — немецкую, антисемитизм здесь переплетался с германофобией.

Неслучайно княгиня Шаховская обвиняла Витте: «Вам удалось занять не только место министра финансов, но и руководителя общей политики России в силу негласных соглашений с Германией». По мнению княгини, Витте хотел превратить Россию «в колонию германского завоевания» [Шаховская: 2].

Слухи о «германофильстве» Витте появились также с начала его государственной деятельности. Еще в мае 1896 г. он писал жене: «Вчера я обедал у Германского посла. Были все приезжие немцы: принцы, свита и депутации. Меня посадили рядом с Принцем

Генрихом, который был ко мне особенно любезен и затем пил за мое здоровье, что, конечно, всех немало удивило. Пожалуй, теперь *еще больше* <курсив мой. — Э. С.> будут говорить, что я подкуплен немцами» [Витте: 1–2]. Таким образом, к 1896 г. репутация Витте-«германофила» уже полностью сформировалась.

В немалой степени этому способствовали знаки внимания и благосклонное отношение Вильгельма II, которое не было секретом для современников¹. Обвинения, помимо прочего, подкреплялись ссылкой на происхождение Витте. Так, в русскоязычном журнале «Славянский век», выходившем в Вене в 1900–1905 гг. под редакцией Д. Н. Вергуна, русских министров С. Ю. Витте, В. К. Плеве и В. Н. Ламсдорфа называли «немецким триумvirатом» в России [О немцах: 4].

Революцию 1905–1907 гг. многие восприняли как результат «жидовского» заговора. Новая политическая ситуация актуализировала сложившийся миф о юдофильстве Витте и сделала его очень уязвимым для критики, активно использовавшей также имя его супруги. Мнение о юдофильстве Витте разделяли приверженцы различных политических взглядов. В декабре 1905 г. граф Л. Л. Толстой (сын писателя Л. Н. Толстого) отправил письмо императору, где выразил свое мнение о том, кто является главным виновником революционных волнений:

Витте — враг России. Витте — великое, величайшее зло нашего времени. Так думаю я, и так думают десятки тысяч русских людей. <...> Было бы несправедливо утверждать, что Витте один всему виной. Но справедливо то, что он — враг, поневоле, может быть, но враг наш. <...> Его близкая связь с евреями <...> обществом русским жестоко осуждается. Мой отец сказал недавно: «Все это надедали евреин». Я прибавил к этому: «С позволения Витте, женатого на еврейке» [Толстой: 2].

Близость Витте к еврейству в период первой русской революции была одной из ведущих тем черносотенных изданий. Более того, с самого начала революции черносотенцы стали активно муссировать слухи о том, что Витте стремится стать «президентом

¹ В качестве знака своего расположения Вильгельм II подарил ему свой портрет в золотой раме с собственноручной подписью и вручил орден Красного Орла. Портрет кайзера с его подписью долгое время стоял на видном месте в домашнем кабинете сановника.

Российской республики». Эта легенда была рассчитана на антисемитское прочтение. Газета черносотенцев «Русское знамя», руководимая А. И. Дубровиным, в феврале 1906 г. открыто заявила: «Сейчас русские честные люди, любящие Россию, хлопочут у государя, чтоб он скорей согнал с президентского места главного врага русского народа и главного помощника жидовского с его жидовкою женой» [Русское знамя].

Нет причин подозревать Витте в таких политических амбициях. Человек властолюбивый, сильный, он вместе с тем был убежденным монархистом. Можно утверждать, что причины обвинений Витте в посягательстве на царскую власть крылись, скорее, в особенностях российской политической культуры. На протяжении долгих веков единовластие было неперемнным атрибутом российской государственности. Российские императоры нередко демонстрировали силу собственной власти, опасаясь того, что чиновники превысят отведенные им полномочия. К примеру, Александр I, недовольный самостоятельностью М. М. Сперанского и смелостью его преобразовательных проектов, заявлял в приватной беседе, что тот «подкапывался под самодержавие». По справедливому замечанию исследователя А. Л. Зорина, подобная формулировка скорее была призвана оправдать удаление Сперанского, чем отражала реальное положение вещей [Зорин: 35].

Впрочем, не только правые были убеждены в особых симпатиях Витте к еврейству. В телеграмме от 21 октября к лидеру еврейской общины в Петербурге Д. Г. Гинцбургу черниговский раввин отчаянно просил его «умолить Витте» прекратить погромы, продолжающиеся уже более пяти дней [Гинцбург: 73]. Эти полные драматизма строки свидетельствуют о том, что и некоторые еврейские деятели в критический момент ждали от премьер-министра поддержки. Примечательно, что один из участников еврейской депутации к Витте вспоминал, как он был удивлен, тем, что вместо содействия они получили холодный прием: «мы распрощались с ним под тяжелым чувством» [Берль: 2]. Однако в данном случае юдофильство премьер-министра не имело зловещего оттенка.

В 1905 г. в общественном мнении возродился не только антисемитизм, но и германофобия. Издатель «Нового времени» А. С. Суворин, недовольный «нерешительностью» правительства Витте в борьбе с революцией, в одной из своих статей намекал на бла-

госклонность Вильгельма II к министру: «Но, может быть, граф Витте хочет уходить? Ему хорошо: он сядет в вагон и уедет в Берлин. Германский император примет его с распростертыми объятиями, тем скорее, что у графа Витте больше немецкой души, чем русской» [Суворин 1905].

Это обстоятельство обыгрывалось в стихотворении известного публициста А. В. Амфитеатрова «Акафист смутителю неподобному Сергию Каменноостровскому» (дом графа С. Ю. Витте находился на Каменноостровском проспекте столицы. — Э. С.), получившем широкое распространение в обществе: «Радуйся, Вильгельма II интимный друже...» [Амфитеатров: 118]. Данное стихотворение основывалось на слухах об особо дружественных отношениях С. Ю. Витте с немецким императором, равно как и подпитывало эти слухи.

Резонанс в обществе получила адресованная кайзеру телеграмма представителей киевских право-монархических кругов, отправленная вскоре после выхода Витте в отставку в августе 1906 г. [Постановление 1906]. Поводом для обращения черносоптенцев к главе иностранного государства послужили сообщения в прессе о теплом обращении Вильгельма II с Витте в период пребывания русского министра в Германии. Вскоре последовал ответ за подписью фон Микеля, поверенного германского кайзера в делах. В письме утверждалось: «...Его Величество никому и ни в какой форме не обнаруживал по отношению к графу Витте тех намерений, которые приписаны его величеству в вашей телеграмме, вероятно, на основании слухов, распространяемых тенденциозными газетами» [Новое время 1906]. Публицист Б. М. Юзефович, один из авторов телеграммы, однако, остался доволен произведенным эффектом. В одном из частных писем он признавал позднее, что хотя такие послания непосредственного результата дать не могут, они способны действовать как капля, точащая камень, если действовать последовательно: «<. > Чтобы низвести с политического поприща такого субъекта, как граф Витте, мне пришлось «капать» более 10 лет и, наконец, все-таки разразиться такою струею, как телеграмма Вильгельму II. Такие случаи подворачиваются не каждый день» [Юзефович: 17].

«Немецкий вопрос» был во время первой русской революции все же менее актуален, чем «еврейский». Объясняется это устойчивым представлением о тесной связи еврейства с революцион-

ным движением, что отмечалось ранее. Однако «германофильская» и «юдофильская» репутация Витте получила неожиданное развитие во время Первой мировой войны.

С самого начала боевых действий по стране распространились слухи о том, что в прифронтовой полосе еврейское население занимается шпионажем в пользу немцев. Германофобия, вполне естественная для воюющей страны, переплеталась здесь с антисемитизмом. Не удивительно, что смерть С. Ю. Витте в марте 1915 г. в обществе связали с делом полковника С. Н. Мясоедова. Казнь Мясоедова, который был женат, как и Витте, на крещеной еврейке, породила шпиономанию. Разговоры о якобы существующей в стране разветвленной шпионской сети спровоцировали поиски «изменников» [Шацилло: 103–116]. К таким «изменникам» и «шпионам» молва причислила и неожиданно скончавшегося Витте. Слухи о его самоубийстве отражены в переписке, перехваченной тайной полицией. Автор одного из писем отмечал: «На этом пункте <шпионаже. — Э. С.> замечается какое-то помешательство. Что здесь только не выдумывается. Последние дни ходит здесь слух, что Витте скончался не от естественной смерти, а от самоубийства, так как против него обнаружены данные, обвиняющие его в шпионаже» [Вештерштейн: 540]. Сведения об этих разговорах зафиксированы в ряде перлюстрированных посланий, причем зачастую такая информация опровергалась. «Это, конечно, чистейший вздор», — говорилось в другом письме [Неизвестный: 691]. География распространения этих слухов не ограничивалась Петроградом: о шпионаже и самоубийстве Витте говорили еще в Москве и Варшаве (именно в польской столице был казнен Мясоедов) [Выписки 1017: 540; Выписки 1018: 646, 691]. Об этом же свидетельствуют дневниковые записи современников Витте [Голицын: 315; Тихомиров: 50].

Главная причина того, что С. Ю. Витте стал столь удобной мишенью для критики — закрепившаяся за ним репутация «германофила», в атмосфере военного времени воспринимавшаяся как проявление симпатии к жестокому противнику, а значит, и измена со стороны министра. Сочувственное отношение к еврейству при этом придало его репутации оттенок злонамеренности. Поводом для обвинений служил даже брак Витте с еврейкой. Считалось, что русский человек, женившись на еврейке, сам ста-

новился еврею. Показательно одно из перлюстрированных писем военного времени:

Что касается Мясоедова, то это нечто небывалое. Не жид или поляк, а русский офицер, с русской фамилией, за деньги подвел тысячи своих под расстрел неприятеля. Не было ничего подобного в японскую или другую большие войны, веденные Россией. <...> В Москве говорят, что Мясоедов был женат на еврейке, что будто бы жена Мясоедова и жена Сухомлинова родные сестры. Если русский человек отдается еврейке, то он сам часто превращается в *полужида* <курсив мой. — Э. С.>; пример — граф Витте. А так как в последние десятилетия Еврейки пользовались большим успехом в русской интеллигенции, то можно представить себе, какое количество *изменников* <курсив мой. — Э. С.> скрываются еще в нашем отечестве. Они могут сильно тормозить войну [Любавин: Л. 663].

Женитьба на еврейке, таким образом, была достаточным основанием для подозрений в измене, а Мясоедов и Витте были не единственными «обвиняемыми». Вологодский предводитель дворянства высказывал в частном письме свое мнение о местном губернаторе: «Настоящий губернатор — истинно русский, что и подчеркивает частенько, но женат на еврейке, которая за 20 лет замужества не в состоянии забыть, что она хайка. Ходят слухи, что к ее рукам уже прилипли разные пожертвования»² [Неелов: 2183]. В обществе, если верить жандармскому генералу А. И. Спиридовичу, известие о смерти отставного сановника в разгар войны восприняли скорее с облегчением [Спиридович: 102]. В личном письме киевский публицист правого толка А. В. Стороженко не скрывал своей радости от этого известия:

Когда я прочел в газетах о смерти Витте, я облегченно вздохнул: кайзер Вильгельм лишился своего верного слуги, но зато Россия освободилась от одного из злейших врагов своих. <...> Какое дело Витте, что обеднеет Россия: да обогатится Германия, да процветет жидовство. Недаром Вильгельм оказывал царские почести Витте. Заслужил, негодай! [Стороженко: 476–476 об.]

² Имеется в виду В. А. Лопухин, женатый на сестре известного общественного деятеля, кадета, издателя газеты «Речь» И. В. Гессена.

Действия министра, следовательно, скорее воспринимались сквозь призму его репутации, нежели его реальных государственных свершений.

Сановник в тех или иных антисемитских слухах выступает в разных «ролях»: еврей, жертва еврейских банкиров, а в некоторых случаях даже как ключевая фигура еврейского заговора. Случай Витте — пример переплетения таких элементов антисемитского дискурса, как экономическое притеснение и революционная деятельность. Концентрация антисемитских представлений вокруг фигуры министра была обусловлена стечением исторических обстоятельств. В то же время, распространение подобных обвинений было связано с целым комплексом разработанных культурно-исторических стереотипов, сказавшихся не только на репутации Витте, но и на историческом развитии России.

Упомянутые выше элементы антиеврейского дискурса (связь евреев с революционным движением, неотделимость их от современной капиталистической цивилизации, враждебной национальной идее и национальному государству) получили в конце XIX в. повсеместное распространение и явились порождением процессов модернизации и формирования современного национализма, происходивших в XIX в. [Гольдин]. Подобные взгляды не были специфичны для России. Они имели широкое распространение и в Европе [Россман]. На формирование репутации министра повлияли две важнейшие фобии эпохи — антисемитизм и германофобия. В работе, посвященной обстоятельствам отставки М. М. Сперанского, А. Л. Зорин показывает, каким образом культурно-исторические стереотипы эпохи отразились на карьере сановника, упростив многочисленным недоброжелателям министра-реформатора задачу устранения его со всех постов на долгие годы [Зорин]. Сходны не только характеры, но и политические судьбы двух крупнейших реформаторов в российской истории. Оба министра, не отличавшиеся знатностью происхождения, поднялись к высшей власти благодаря своим незаурядным способностям, силе характера и политическим дарованиям. История России знает мало примеров, когда «человек, попавший в случай» оказывал столь сильное влияние на эпоху. При этом оба государственных деятеля были одиозными фигурами в глазах современников. Показательно, что в газетных откликах на смерть

С. Ю. Витте аналогия с М. М. Сперанским проводится чаще всего [Петроградские ведомости; Струве: 132; Изгоев: 154].

При сравнении тех обвинений, которым подвергались реформаторы со стороны противников, видны прямые текстуальные совпадения. Сперанский воспринимался современниками как ключевая фигура масонского заговора, Витте — еврейского. Сильных и самостоятельных министров безосновательно обвиняли в попытках свергнуть самодержавие. Сперанскому, о котором лестно отзывался Наполеон, приписывали особое расположение к французам, что позволяло российскому обществу воспринимать министра как основного проводника непопулярного внешнеполитического курса. Аналогичная ситуация сложилась и в политической карьере Витте. Слухи о постоянных комплиментах и наградах немецкого императора Вильгельма II русскому министру имели широкое хождение.

В российской политической культуре, таким образом, присутствовал механизм дискредитации реформаторов. В то же время, в общественном сознании Российской империи за столетие меняется образ врага, «фобии», приводящие в действие механизм дискредитации политического деятеля. Для начала XX в. обвинения в связях с «жидами» оказываются гораздо более опасными для репутации сановника, чем принадлежность к тайным организациям. «Второе рождение» в это время переживает традиционная для России германофобия, а французы перестают восприниматься враждебно.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров: *Амфитеатров А. В.* Акафист смутителю неподобному Сергию Каменноостровскому, во графех сущу и славу вселенскую вельми приившему государственной магии профессору, всего Петрограда обер-кувыркателю и, префокусная колена творяй, царедворцу // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). М., 1985.
- Берль: *Берль А.* Зигзаги графа Витте // Еврейская трибуна. 1921. № 102.
- Богданович: Доклад генерал-лейтенанта Е. А. Богдановича императору Николаю II об исполнении им данного ему особого поручения в Севастополе, Николаеве и Одессе. Два доклада по вопросам государственным об изданиях военно-патриотического характера. 21 мая 1905 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588.

- Боханов: *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса и крупный капитал конца XIX в. — 1914 г. М., 1984.
- Вехтерштейн: Товарищ председателя Варшавского окружного суда Вехтерштейн Э. С. (Варшава) — сенатору Ф. П. Гвайту (Петроград) // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1017.
- Витте: *Витте С. Ю.* — Витте М. И. Б. Д. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 577. Выписки 1017: Выписки из писем. Март 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1017.
- Выписки 1018: Выписки из писем. Март 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1017; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1018.
- Гинцбург: Телеграмма черниговского раввина — Гинцбургу Д. Г. 1905 // ОР РНБ. Ф. 183. Д. 2039.
- Голицын: Дневник князя В. М. Голицына. Запись 28 февраля 1915 г. // ОР РГБ. Ф. 75. Кн. 31.
- Гольдин: *Гольдин С.* Космополиты, чужаки, революционеры. Три образа еврея в польском и русском национализме конца XIX — начала XX века // (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/225/goldin.htm>), дата просмотра 23 апреля 2012.
- Зорин: *Зорин А. Л.* Враг народа. Культурные механизмы опалы М. М. Сперанского // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (41).
- Из архива 2003: Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2.
- Изгоев: *Изгоев А. С.* С. Ю. Витте // Русская мысль. М., 1915. № 3.
- Кольшко: *Кольшко И. И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И. В. Лукоянова. СПб., 2009.
- Куропаткин: *Куропаткин А. Н.* Дневник. Новгород, 1923.
- Линевин: *Линевич Н. П.* Дневник 1904–1906. Запись 27 июля 1905 г. // Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925.
- Любавин: *Любавин Н.* (Москва) — Любавину И. Н. (Петроград) // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1018.
- Любарская-Письменная: *Любарская-Письменная М. А.* — вел. кн. Ксении Александровне. 1906 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 80.
- Любимов: *Любимов С. В.* С. Ю. Витте // Русский евгенический журнал. 1928. Т. 6. Вып. 2.
- Мигулин: *Мигулин П. П.* Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис (1893–1902). Харьков, 1902.
- Миндлин: *Миндлин А. Б.* Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев, 1762–1917 годы: Справочник персоналий. СПб., 2007.
- Неелов: Вологодский губернский предводитель дворянства Неелов А. (Вологда) — Его Превосходительству Новакову С. И. (Петроград) // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002.

- Неизвестный: *Неизвестный* (Москва) — Шубидилу И. Ф. (Варшава, ВЗС) // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1018.
- Новое время 1906: Новое время. 1906. 19 августа.
- О немцах: «О немцах в России». Статья. 23 сентября 1902 г. // ГАРФ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 140.
- Петроградские ведомости: Смерть С. Ю. Витте // Петроградские ведомости. 1915. 1 марта.
- Постановление 1906: Постановление собрания представителей Киевского отдела Русского собрания, Киевской русской монархической партии, Русского братства, СРН и Патриотического содружества рабочих. 7 августа 1906 г. Одесса, 1906.
- Росман: *Росман В. И.* Два призрака XIX века: «Желтая опасность» и «еврейский заговор» // Зеркало. 2003. № 21–22. Доступно на: <http://magazines.russ.ru/zerkalo/2003/21/ro21.html>, дата посещения 18 апреля 2011.
- Русское знамя: Русское знамя. 1906. 19 февраля.
- Самонов: *Самонов С. В.* Министр финансов С. Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет «Новое время», «Биржевые ведомости» и «Русский труд») // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2008. № 2.
- Спиридович: *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960.
- Стороженко: *Стороженко А.* (Киев) — князю Н. Д. Жевахову, (Петроград). 2 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1016.
- Струве: *Струве П. Б.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики // Русская мысль. 1915. № 3.
- Суворин 1895: *Суворин А. С.* Маленькое письмо // Новое время. 1895. 20 марта.
- Суворин 1905: *Суворин А. С.* Маленькое письмо // Новое время. 1905. 17 декабря.
- Тихомиров: *Дневник Л. А. Тихомирова.* 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М, 2008. Запись 26 марта 1915 г.
- Толстой: *Толстой Л. Л.* — Николаю II. 13 декабря 1905 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Д. 35.
- Утро: Утро сановника. Сцена в наши дни из нашей жизни // Русская Виттова пляска. СПб., 1906. № 4.
- Цион: *Цион И. Ф.* — Победоносцеву К. П. 3 декабря 1892 г. // ОР РГБ. Ф. 230. Оп. 4401. Д. 7.
- Шарапов: *Шарапов С. Ф.* Бумажный рубль. Его теория и практика. СПб., 1895.
- Шаховская: Княгиня *Шаховская* — в Славянский комитет с предложением организовать отделы комитета на местах. Приложено пись-

мо (копия) Шаховской С. Ю. Витте с обвинением его в измене России // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1900.

Шацилло: *Шацилло К. Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4.

Юзефович: *Юзефович Б. М.* (Киев) — князю Шаховскому М. Л. (Санкт-Петербург) 26 июня 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 258. Л. 17.